

«Через минуту он (прохохотавшийся – ОК) взлетит..., и Ривьер, возобновивший битву, хочет его услышать. Услышать как он возникнет, пророкочет и растает, словно грозная поступь армии, движущейся среди звёзд.

<...> Победа... поражение... эти высокие слова лишены всякого смысла. Жизнь не парит на таких высотах; она уже рождает новые образы. Победа ослабляет народ; поражение пробуждает в нём новые силы. <...> Лишь одно следует принимать в расчёт: движение событий. <...>

Уже взлетает к небу пение органа: самолёт»¹⁴.

Пилот Фабьен уходит, но хорошее Фа остаётся навеки. Ибо издаёт его бог Фа, который бессмертен.

КРИВОЙ ПРОРОК

«Я вспомнил этого пророка с его тяжёлым взглядом, который к тому же косил. Он явился пред очи мои и был преисполнен гнева. Мрачен был этот гнев.

– Призываю, сказал он мне, – искорени их.

И я понял: у него есть вкус к совершенству. Ибо совершенна только смерть»¹.

Так начинается 118-я (СХVIII) глава «Цитадели», где впервые на сцене появляется «кривой пророк», ибо всё в этом масштабе и амплуа звучало до сих пор от самого каида. Я специально дал номер главы в арабской цифири,

¹⁴ I, 177-178. Ред. моя. – ОК.

¹ A. de Saint-Exupéry. Oeuvres, 767. Перевод мой – ОК.

чтобы мгновенно стало видно, что перед нами борение солнечного мировоззрения (100-числовое значение 19-го аркана *Солнце*) и лунной (18-й аркан) сумрачности. Эта алхимическая борьба золота с серебром, ибо серебро в силу недостаточности совершенства всегда имеет к нему будоражащий сердце зуд. Именно серебро требует улучшения всех неблагородных металлов. Золото же чтит эти металлы с конкретным набором их свойств. И не желает их изменения.

«Медленно разгоралась и наконец ослепила меня необычайная истина: любящий добро снисходителен ко злу. Любящий силу снисходителен к слабости»².

Пророк требовал у царя искоренения грешников. В борьбе со злом он обретал своё я, смысл и предназначенье. Это напоминает скопческую мораль инквизиторов и глав церковных соборов. В «Братьях Карамазовых» такую позицию представляет Ферапонт, а истину каида – Зосима.

«Он живёт борьбою со злом. Он живёт благодаря существованию зла. Что с ним станет, если зла не будет?»³

Слово «пророк» Экзюпери употребляет здесь в саркастически-ироническом смысле. «Кривой» действует как ищейка режима, организатор охоты на несовершенных или “отпавших” со сворой жандармов. Всех отловленных бросают в застенок, где они попадают в руки тактичных и застенчивых костоломов. *«Эти люди всегда казались мне ослепительно прекрасными, нестерпимо было их сияние в камере пыток, и я никогда не унижал их в смерти»⁴.*

Но, несмотря на почти хирургическую стерильность процедуры, унижение всё равно происходило за счёт отделения головы от туловища. – Понижение в росте и

² II, 290

³ Там же.

⁴ Там же.

правах, но с соблюдением максимального уважения к приговорённым. Заговорщиков следует казнить, ибо, если их помиловать, унижен будет сам заговор. А этого нельзя допустить – всё в царстве должно быть серьёзным.

«– Ты борешься со злом, – сказал я ему, – но любая борьба – это танец. Ты получаешь наслаждение, подтанцовывая злу. Я б предпочёл, чтобы ты плясал под дудку любви»⁵.

Зло на земле неуничтожимо, ибо борьба с ним – и есть жизнь. Эта эзотерическая максима⁶ была верифицирована Сент-Эксом словесной формулой «Я хочу видеть тебя в совершенстве смерти». **Жить – значит совершенствоваться.** А это возможно лишь из состояния несовершенства или относительного совершенства. Земля – огромная мастерская по преобразению, а значит образ, который мы имеем, можно и нужно переменить на лучший. Даже Христос в момент Преображения явил себя в виде, который получается при отнятии от Него *воплощения*, то есть минус *процедуры и продукты жизнедеятельности*. Единственный раз живое существо смогло мигрировать в обратную сторону, вновь одевшись плотью. Но урок нами, людьми, был получен.

Всё на земле смонтировано не жёстко, с допусками, припусками, большим запасом, *на вырост*. И главное для наставников – стимулировать рост, а проводить тотальный перфекционистский шмон – дело безнадежное: у каждого имеются родимые пятна несовершенств. Уничтожать несовершенных – не значит увеличивать количество совершенных. Хотя пропорционально иллюзия такая и может возникнуть.

И однако, постоянно откуда-то берутся самородные “псы господни”, которые считают своим призванием искоренять “инакосортие” и “иномерие” *под нуль*. Причём себя лично они считают *орудием*, стоящим *вне*

⁵ Ц, 291. Редакция моя – ОК.

⁶ Подробнее: Кандауров О. З. «Евангелие Третьего Завета», М, 2004.

качественных оценок. Выкорчевывая инакомыслие, они разрушают энергию движения истины внутри человеческой массы.

«Что такое алмаз, если нет твёрдой породы, которую нужно преодолеть, чтобы до него добраться? Что такое клинок, если нет врагов? Что такое возвращение, если нет отсутствия? Что такое верность, если нет соблазна? Торжество добра – это торжество покорного скота вокруг его кормушки. И я не рассчитываю отнюдь на осёдлых и сытых»⁷.

Каид не регулирует бытие, он просто держит руку на его пульсе. Утопизм Экзюпери⁸ заключается только в одном – уровне мудрости правителя. Только легендарные фигуры Ашоки и Гаруна-аль-Рашида могут претендовать на прототипию героя «Цитадели». Вспоминаются ещё Марк Аврелий и Улугбек. В чём-то даже превосходят каида Эхнатон и Соломон. Но не подлежит сомнению, что «Цитадель» – это сумма. И их мудрость и жизненные опыт – всё вошло сюда. Любой из названных может быть подставлен в тексте в роль *отца* суверена; любой может наследовать *сыном*. Золотой слиток книги выпадает из структуры времени – за XX веком закреплена только честь создания.

Удивительно, что и «триумф добра» не устраивает властителя. Даже в его положении работает формула Гёте:

*Лишь тот достоин счастья и свободы,
Кто каждый день за них идёт на бой.*

И образ «любимого врага», того, «кто тебя оформляет», является одним из фундаментальных концептов Экзюпери.

«Пробуди в сердце этого народа любовь к паруснику, и она соберёт всех усердных твоих просторов, чтобы обменять их на паруса, – внушает Великий каид. – Но ты

⁷ II, 290-291. Редакция моя – ОК.

⁸ Сент-Экс вводит это определение в текст «Цитадели». См. ниже.

захотел, чтобы паруса родились из преследования, из выслеживания и из уничтожения еретиков. Так легко подвести к тому, что всё, что не есть парусник, является противником парусника, ибо логика приводит туда, где ты назначаешь ей свидание. И от чистки к чистке ты будешь истреблять свой народ, ибо окажется, что каждый любит и ещё что-то»⁹.

Вот для того, чтобы этого не случилось и присутствует на Земле в качестве представителя Высшего Разума Великий каид. Абсолютная власть не должна находиться в руках подобных слепых фанатиков.

«– Если я тебя правильно понял, – ощерился кривой пророк, – я должен терпеть порок!

– Отнюдь. Ты ничего не понял, – ответил я ему»¹⁰.

Второе явление неистового искоренителя происходит в 139-й (СХХХІХ) главе. И вновь он атакует правителя своими рационализаторскими предложениями.

«– Призываю, – сказал он мне, – заставить их приносить жертвы.

– Конечно, – ответил я ему, – ибо если изрядная часть их богатств перестанет быть запасом впрок, потеряют они немного, зато как обогатятся чувством их значительности; ибо их как бы и нет, если они не занимают своё место в общей картине.

Но он даже и слушать не хотел, весь переполненный яростью.

– Хорошо бы, – сказал он, – погрузить их с головой в покаяние...

– Обязательно, – ответил я ему, – пост поможет сохранить вкус к еде или они лучше поймут голодающих поневоле, ибо они станут заодно с Богом в выковывывании их воли, или просто сохраняют себя от излишней тучности.

Ярость продолжала kloкoтaть в нём.

⁹ II, 291. Редакция моя – ОК.

¹⁰ Там же. Редакция моя – ОК.

– Но лучше всего без разговоров их покарать.

И я понял, что он не станет терпимее к людям до тех пор, пока их не бросят закованных на подстилку, лишат хлеба и света в недрах темницы.

– Ибо необходимо, – сказал он, – напроочь искоренить зло.

– Ты рискуешь искоренить всех – ответил я ему. – Не лучше ли чем искоренять зло, приумножать добро? Насаждать праздники, которые облагораживают человека? И одевать поприличней, чтобы вид их был не столь замызган? И кормить получше детей их, дабы они преуспели в науке молитвы, не отвлекаемые страданиями пустых животных?

Ибо дело совсем не в ограничении получаемых человеком благ, а в спасении силовых полей, которые единственные ответственны за их достоинство и человеческий облик и которым одним лишь внимают их души и сердца.

Кто способен построить барку, того я отправлю на его барке на ловлю рыб, но того, кто способен соорудить корабль, тот будет у меня на воду спускать корабли и завоёвывать мир.

– Ты желаешь сгноить их в их изобилии!

– Меня отнюдь не интересует ветер, запасённый впрок, ты опять не врубился, свободен, – ответил я ему»¹¹.

Тема продолжается без перерыва, а *кривой пророк*, кажется, приходит лишь для того, чтобы дать блеснуть умом своему господину. Он уже почти что шут; кажется, что он подставляется под разгромные опровержения... Но взгляды в режимы тоталитарных деспотий – особенно советской – они действовали именно по методу *кривого пророка*. Бесконечное выдвигание целей, для достижения которых надо было жить и действовать с крайним напряжением сил, в лишениях и при отсутствии

¹¹ А. de Saint-Exupéry. Oevres, 804-805. Перевод мой – ОК.

малейших духовных задач – это и есть “торжество” *кривопророческого*. Рабская пайка в зубы и беспрекословное следование “руководящим указаниям” – вот идеал тоталитаризма. Забитое животное послушание приводит постепенно к собачьей привязанности к господину, – такова задача каждого правителя, кроме образцового. Читай: Великого каида. А в его ответах на краткие реплики гневливца важнее, чем перламутровые переливы смысла благожелательный тон и абсолютная непроницаемость для любых его предложений. – «Любимый город может спать спокойно...»

В третий – и последний – раз кривой пророк появляется в главе 211-й (ССХI). И снова словесный поединок напоминает разминку чемпиона с мешковатым спарринг-партнёром. Вздрыгов опять ровно столько, сколько нужно, чтобы вызвать ответный сокрушающий гностический удар. И если поначалу было непонятно, зачем держать около себя такого – мягко говоря – “недалёкого” пророка, то на третий раз его тренерские обязанности не вызывают сомнений. У него не функции визиря-советчика, но скромный статус банщика или брадобрея. В третьей встрече у Великого каида в голосе всё отчетливей звучат нотки *короля Мира*, и тогда шутовская подоплёка «кривого пророка» начинает читаться ещё явственнее.

«И вновь предстал пред мои очи этот пророк с застывшим взглядом, который день и ночь пестует свой священный гнев и вдобавок ещё и косит.

– Нужно, – сказал он мне, – спасти верных.

– Конечно, – ответил я ему, – нет никаких оснований, чтобы их вдруг покарать.

– Следует отделить их от грешников.

– Конечно, – ответил я ему. – Самый совершенный должен быть возведён в образец. Ты выбираешь, чтоб поставить на пьедестал, лучшую статую лучшего из скульпторов. Ты читаешь детям лучшие из стихов. Ты хочешь видеть королевой первую из красавиц. Ибо

совершенство – это направление, по которому следует направить движение, даже если чувствуешь, что достичь его невозможно.

Но пророк воспламенился:

– Когда будет создано племя верных, необходимо будет спасти только его, и тем самым покончить с порчей.

– Ого! – сказал я ему, – это уж слишком. Ибо ты предлагаешь мне отделить цветение от дерева. Облагородить жатву, уничтожив навоз. Спасти великих скульпторов, обезглавив бездарных. Что до меня, то я знаю лишь более или менее несовершенных, устремлённость к цветению и вознесение дерева в небеса. И я говорю, что совершенство империи положено на беззащитности.

– Ты прославляешь бесстыдство!

– Я прославляю и твою нелепость, ибо прекрасно, что добродетель предстаёт перед нами не только как желаемая, но и реализуемая возможность. Пусть будет придуман праведник, который в жизни невозможен, во-первых, потому что человек немогуч, а во-вторых, потому что абсолютное совершенство, где бы оно ни осуществилось, влечёт за собой смерть. Но хорошо, если направление предстаёт в виде цели. Другими словами говоря, ты отправляешься в путь за недостижимым».

Если пропорция такова: один умный на сто тысяч дураков, то, как ни странно, уничтожение всех дураков автоматически приводит к исчезновению светочей мысли. Теряется питательная почва, теряется и контрастный фон, оттеняющий совершенство. Но самое главное: улетучивается трансляционная роль избранных небес и становится непонятно, как истине низойти на землю. Миссия улучшения рода человеческого тает на глазах вместе с объектом обработки. Кучка баловней судьбы в уютном междусобойчике занимается игрой в бисер.

Приход гениев на землю всегда *революционен*, но именно их энергия подпитывает затухающее движение

колеса эволюции. Они обращаются к лучшим, но обращают в истину всех.

«В пустыне мне пришлось попотеть. Сначала вообще казалось, что одолеть её невозможно. Тогда я выбирал ту вон дюну вдали удобнейшей для передышки. Я добирался до неё, и она теряла надо мной свою власть. Тогда я перемещал удобное место для привала к тем вон на горизонте зубцам. И я добирался до них, и они сдавали свои полномочия. А я выбирал себе следующую мишень. И так от цели к цели я одолел пески».

Этот абсолютно автобиографический кусок, плохо ассоциирующийся с ролью и статусом каида, нужен был Сент-Эксу для иллюстрации известной мысли: «цель – ничто, путь – всё». Так кажется. Но вывод этот неверен. Путником двигала единственная цель: выбраться из пустыни, и он следовал ей неукоснительно; промежуточные его цели были лишь “метками для прицеливания”, что необходимо, если хочешь стрелять метко. Постепенность в достижении результата есть посвященность в восхождении по ступеням постижения мира.

«Бесстыдство же есть верный знак простоты и невинности, ну хоть газелей: просвети их и получишь стыдливых скромниц; или знак тех, кто назло попирает стыд. Но и бесстыдство стоит на стыдливости. Оно ею живёт и её утверждает. И когда проходит пьяная солдатня, матери прячут своих дочерей и запрещают им высовываться наружу. Если же солдаты твоей утопической империи взяли в обыкновение опускать глаза долу, их как бы и не будет вовсе, и ты не увидишь ничего особенного в том, что девушки у тебя будут купаться без ничего. Но стыдливость моей империи совсем не в отсутствии бесстыдства (самые целомудреннее, заметь, мертвецы). Она в скрытом усердии, сдержанности, внутреннем достоинстве и отваге. Она есть бережность в сохранении собранного мёда, она – предвкушение любви. И если у меня кое-где и шатается

пьяная солдатня, она укрепляет тем самым вокруг стыдливость и скромность.

– Ты что ж, поощряешь подданных солдат орать их похабелю?

– Иногда приходится и наказывать их, чтобы не забывали про стыд. Но чем сильнее наказания мои, тем страстней они рвутся в распутство. Больше радости влезть на пик, чем на пологий холм. Положить на лопатки верзилу, чем жалкого хлюпика, не умеющего защищаться. Только там, где женщины прячут лицо, так и тянет сорвать с них вуали. И я сужу о напряжении силовых линий империи по суровости наказания, умеривающего аппетиты. Если я заграждаю горный поток, я продумываю толщину плотины. Она – знак моего могущества. Но для жалкой лужицы мне хватит и картонной запруды. На кой мне сдались скопцы в солдатских мундирах? Я хочу, чтобы они напирали в плотины и стены, чтоб были мощны в безобразии и созданы, что есть безобразию наоборот.

– Ты что же, хочешь разжечь их жажду распутства?

– Нет. Ты снова не понял ничего, – ответил я ему¹².

Третья часть большого соло каида посвящена бесстыдству и, пожалуй, перед нами первая апология этого устойчиво признанного отрицательного чувства. В сущности, вербализируется очевидное. Солдаты всегда норовят под юбку, девки всегда визжат. Кокетство сдвигает колени, а род человеческий прибывает между тем. Животные гуляют без порток, люди ж должны одеваться. Парни должны гоготать, девки стыдливо хихикать. Мир бы свихнулся, коль стало бы наоборот.

Игра мускулами слов доходит в конце до предела: «*car alors seulement ils seront grands dans le crime ou la creation qui transcende le crime*». Перекатывание *cr* в *crime* (преступление) и *creation* (творчество) становится

¹² А. de Saint-Exupéry. Oeuvres, 972-974. Перевод мой – ОК.

магическим. Варианты перевода заключительного пассажа: «велики в преступлении и приступаны к творенью, что есть преступление со знаком плюс», «мощны и в грехе, и в добродетели, которая есть ничто иное, как облагороженный грех»¹³, «значительны в преступленьи и творческом исступлении, что есть преступление с вырванным жалом зла».

Пятнадцать кратких реплик подаёт «кривой пророк» – номер аркана *Сатанаил* сказывается в свирепости и категоричности высказываний и в безразмерной гордыне, в силу которой он не только не относит себя к несовершенным, но и считает себя в праве их судить и наказывать даже смертью. Правителя же он пытается использовать лишь в качестве рычага. Кроме того *кривой порок* выступает не как его помощник и визирь, а как представитель альтернативной мощной структуры, типа культовой, которая может “ставить на вид” даже суверену.

Мрачный, скрежещущий зубами, недалёкий... что-то знакомое... – Ба! да это же Левий Матвей из Булгаковского Романа. И хотя Великий каид и не припечатывает его Воландовым «раб», но его определения физиономии надоедалы не более лестны: «твоя нелепость (глупость)», троекратные уличения в тупой непонятливости и “одноклеточности”. Не хватает только реплики наглеца: «Я не буду с тобою спорить, старый софист» и «Я не хочу, чтобы ты здравствовал». Но то, что Великий каид каждый раз показывает видом, а может и говорит словами: «*Покинь меня немедленно*» – можно не сомневаться.

Является ли это удивительным попаданием, или Булгаков в беседе воспроизвёл по памяти фрагменты «Мастера» с участием «бывшего сборщика податей» – остаётся только гадать.

¹³ II, 506. Редакция моя – ОК.

Но вот одна знаменательная *прямая* связь. В 28-й главе «Мастера и Маргариты» звучит такой странный (мягко говоря) пассаж: «Перечтите ещё раз хотя бы историю знаменитого калифа Гарун-аль-Рашида». Кстати, реплика эта вылетает из уст Коровьева-Фагота и адресована «швейцару-мизантропу» у дверей Торгсина, который пытался «не пущать» внутрь воландовских подручных, «раздражённо глядя из-под лохматых, как бы молью изъеденных сивых бровей». Это определение можно было бы просто вставить в соответствующие главы «Цитадели».

Если это не прямое взаимодействие, то чудо такого унисона остаётся одной из мистических тайн величайших духовных учителей XX века.